

DOI: 10.15826/vopr_onom.2015.2.007

УДК 811.161.1'373.23 + 811.161.1'282.2(571.16) + 81-119(571.16)

Е. А. Берестова

СИСТЕМА ПРОЗВИЩ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Целью статьи является многоаспектный анализ системы прозвищ в идиолекте носителя традиционной народно-речевой культуры — представителя говоров Среднего Приобья. Исследование выполняется в рамках проекта Томской диалектологической школы по изучению феномена диалектной языковой личности, предполагающего выявление типических и индивидуальных черт носителя традиционной народно-речевой культуры. В статье охарактеризован состав прозвищ в идиолектном лексиконе, рассмотрены способы словообразования, мотивы именования, специфика нейтральных и эмоционально-оценочных единиц, характер их функционирования в дискурсе информанта (частотность, степень освоенности, сферы употребления, выполняемые в речи функции). Сопоставление полученных данных с выводами исследований, основанных на диалектном материале других регионов, позволяет говорить об особенностях прозвищ, зафиксированных в речи сибирской крестьянки, характерных для носителей традиционных русских говоров, и их своеобразном преломлении в идиолексиконе. Типичными для крестьянского социума свойствами антропонимикона можно считать периферийность прозвищной системы по отношению к именной, ее ориентированность на членов сельского сообщества, отражение в мотивировочных признаках и коннотациях антропонимов данного вида характеристик человека, значимых для диалектоносителей, преимущественное употребление прозвищ в идентифицирующей, характеризующей и оценочной функциях, ориентацию на принципы народного речевого этикета. К индивидуальным особенностям информанта относятся несклонность к созданию прозвищ, регулярные проявления метаязыковой рефлексии в отношении этих

© Берестова Е. А., 2015

единиц, отнесенность большинства оценочных именованных к категории чужой речи. Изучение прозвищ в лингвоперсонологическом аспекте перспективно для понимания личности носителя языка и того типа речевой культуры, к которой она принадлежит.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык, антропонимия, прозвища, идиолект, языковая личность, русские говоры Сибири, Томская диалектологическая школа.

Интерес к прозвищам как значимой составляющей неофициальной сферы коммуникации, в которой отражаются традиции и ценности общества, в ономастической литературе достаточно велик. Данная группа онимов изучается на материале разных языков и исторических периодов существования языка, отдельных социолингвистических групп в словообразовательном, ономастическом, функциональном, сопоставительном аспектах [см.: Ермолович, 2001; Попова, 2009; Поротников, 1970; 1976; Стаханова, 2011; Цепкова, 2011; Шостка, 2009; и др.]. Особое внимание при этом уделяется прозвищам в диалектной коммуникации [см.: Верховых, 2008; Денисова, 2007; Кокарева, 1998; Никулина, 1974; Сьянова, 2007; и др.], где преобладает типичная для употребления прозвищ сфера неофициального общения.

Вместе с тем лингвоперсонологический аспект изучения прозвищ почти не разработан. Немногочисленные наблюдения в этой области имеются лишь в нескольких работах, посвященных элитарным языковым личностям (далее — ЯЛ) [см.: Соловьева, 1970; Никитина, 1989а]. Целью настоящей статьи является комплексное описание системы прозвищ типичного представителя традиционной русской народно-речевой культуры. Исследование выполняется в рамках масштабного проекта Томской диалектологической школы по изучению феномена диалектной ЯЛ (обзор работ представлен в [Иванцова, 2006]). Системный анализ антропонимикона информанта еще не предпринимался; некоторые особенности употребления прозвищ в речи В. П. Вершининой отмечены Е. В. Иванцовой [1995] и А. В. Шевляковым [2006].

Базовыми установками лингвоперсонологических исследований томских диалектологов являются:

- 1) принципиальная ориентация на изучение реального индивида, а не обобщенного образа представителя социолингвистической группы;
- 2) опора на материалы, полученные в условиях, максимально приближенных к обычной речевой практике говорящего;
- 3) изучение ЯЛ «в единстве взаимосвязей общего, особенного и индивидуального начал» ее речи [Иванцова, 2010, 35].

В соответствии с этими принципами в настоящей работе рассматриваются прозвища в идиолекте В. П. Вершининой (1909–2004) — русской малограмотной коренной жительницы с. Вершинино Томской обл. Источником анализа

послужили тексты объемом около 10 000 страниц, записанные членами кафедры русского языка Томского государственного университета в 1981–2004 гг. методом включенного наблюдения.

В речи исследуемой ЯЛ зафиксировано 86 прозвищ, что составляет 8,4 % от общего числа отмеченных у нее антропонимов. За единичным исключением (*Горбáч* — о политике М. С. Горбачеве), они используются по отношению к односельчанам. Знание прозвищ всех коренных жителей своего села — одна из особенностей языкового существования личности в традиционном крестьянском сообществе, достаточно закрытом для «чужих». В дискурсивной практике информанта представляют интерес несколько рассказов, в которых негативно-оценочные прозвища вершининских жителей были восприняты приезжими как фамилии, что привело к коммуникативным неудачам и даже конфликтам: «А у нас Колю *Блáуз* [по прозвищу] зовут. <...> Нóнче какой... прошлогóд — заходит какой-то дяденька — молодой, хороший такой: “Пожалуйста, скажите, де тут живёт Николай Николаич *Блáуз*?”»; «А Матрёнин сын был, Володя, — дак *Бес* звали. <...> А он воду возил, возил, она наряд выписала. И написала: “*Бес* Владимир Степаныч”. [Почему?] Ну, прозвишше такó, почём она знат, приéзжа. “Даκ фамилия-то, я Вершинин, а ты чё тут написала, какú такú-то мать?”»¹.

Большинство прозвищ в ономастиконе В. П. Вершиной — индивидуальные, однако отмечены также семейные прозвища, именующие в синхронии членов одной семьи и наследуемые от поколения к поколению, от отца к сыну (*Вáньжины, Гордéи, Комарíхи, Молдавáны, Москвичí*). Наличие семейных прозвищ отмечается в качестве типичной черты русских народных говоров многими исследователями. Очевидно, характерной для носителей традиционной культуры на рубеже XX–XXI вв. следует считать постепенную архаизацию таких онимов: значительная их часть фигурирует у В. П. Вершиной в речевом жанре воспоминаний и исключительно в составе метатекстов: «Вот Иван Степаныч был Волошин — их поштó-то *Чиркóм* звали, *Чирóк*. Я не знаю, поштó. И дети были у Николая Степаныча — Иван Степаныча брат — тоже Мишка *Чирок*...»

Поскольку идентификация субъекта приобретает особую актуальность в условиях одноименности многих членов сельского коллектива, прозвище нередко используется в устойчивом словосочетании с личным именем как дополнительное уточняющее средство: «А за ей была *Светка Москвичка*, это у нас тут одна, — за ней была в очередь»; «Эту *Татьяна Почта* зовут. Она на почте двадцать лет

¹ При передаче диалектной речи принята система отражения отдельных особенностей не-литературного произношения, принятая в Томской диалектологической школе. Вопросы, реплики и пояснения собирателя даны в квадратных скобках. Фрагменты связного текста отделены точкой с запятой. В диалогах указываются инициалы диалектоносителей: *А. П.* — Августа Парменовна Вершинина; *П. М.* — Пелагея Михайловна Вершинина; *Ю. Н.* — Юрий Николаевич Вершинин; *М. А.* — Матрена Артемьевна Вершинина; *С. Н.* — Сергей Николаевич Вершинин; *С.* — неизвестный собеседник.

проработала»; «Пошли они корову покупать здесь. У *Вани* от этого *Хромого*, у *Вани*, у сестры»; «Работала там, молоко продавала... двадцать лет, однако. Её так *Катя Молоканищица* и счас зовут кода́»; «*Ю. Н.* Мы столкнули его с осины, “москвич”, опять объехали эту осину и попёрли. А этот племянник [неразб.] он не пил, — ну малёнько выпил, Кольки Ротора-то... *В. П.* Ну-ну. И *Колька Ротор* ездил тут?»

В роли конкретизаторов чаще используются отапеллятивные прозвища (как в приведенных выше примерах), реже — отфамильные: «На *Ивана Комара* [об Иване Комарове] опеть полаял [пёс]. Не на всех он лает».

Имеет место группа единиц, находящихся на грани прозвищ и апеллятивной лексики (*Безногий*, *Хромой*, *Полумужичка*, *Тоций*, *Украинка*, *Хохлушка*). О промежуточном статусе подобных именовании свидетельствует их использование по отношению к нескольким лицам, что подтверждает неустойчивость прозвища в деревенском социуме и его незакрепленность за конкретным индивидом («А у той-то, у *хохлушки*-то, у Таськи, помер муж»; «Она взяла и палкой ударила, овечку, *хохлушка*, Катя-то»; «Ой, эта-то уж не дай бог! Ольга. *Полумужичка* она. [И ещё есть?] Там друга́. Ешо есь. <...> Та молодá, ребёнка родила. Тоже *полумужичкой* зовут её всё»), возможность обозначения конкретного лица при помощи таких лексем без употребления имени («Пришла ко мне в огород, *Хохлушка*-то [изображает]: “Вера Прокофьевна! Вы это... кус срубите, он нам затенят тут-ка”»); «А я чё-то там копаюсь, в огороде — идёт здесь как *Полумужичка*»), а также варьирование прозвищ или их комбинирование с личными именами («У нас недалеко живут, *Иван Безногий* — кур штук тридцать, корова погулялась уж отелилась, да бычок»; «А *Иван* домой *Хромой* пошёл»; «Коля ходил [на кладбище], да *Ваня Хромой*-то *безногий*, ну ешо там мужики были — много было народу»). М. Ю. Стрельцова [2010] предлагает относить такие явления к более широкому классу прозвищных именовании.

Большинство прозвищ в антропонимиконе В. П. Вершининой образовано морфологическим способом (*Купчик* от *Купчиков*, *Голубиха* от *Голубев*, *Агронюха* от *Агроном*, *Савося* от *Савостьянов* — 48 онимов), реже встречается онимизация (*барашек* — *Барашек*, *береговой* — *Береговой* — 28 онимов), единичны случаи трансонимизации (фамилия *Блауз* — прозвище *Блауз*; имя предка *Пегас*, *Пегаска* — прозвище *Пегас*, *Пегаска* — 4 онима). Типичность способов образования прозвищ определить затруднительно, поскольку выводы исследователей разноречивы (ср., например, [Денисова, 2007 и Кульпинов, 2010]). Как черту, присущую областным прозвищам, отметим неофициальное именование с диалектной основой — *Еман* (лексема *еман* в вершининском говоре имеет значение ‘козел’).

У отпроприальных прозвищ в качестве мотивирующей единицы может выступать о ф и ц а л ь н о е и м я («Гончарова — её по фамилии *Гончариха* всё больше зовут»; «А это, Григорий Григорьевич его зовут, который помер мужик-то у нас... Григорий Григорьевич, а его звали *Гринь-Гринь*»), и м я п р е д к а («А вот

Горьдей — был отец Горьдей, и то, и счас Вовка, и эти *Горьдеи*, так и зовут»), прозвище мужа («Мужа-то Агроном звали. И Матрёна *Агронома*. Мотя ли там *Агрономиха*, *Агронома* жена»). В отдельных случаях прозвище базируется на ассоциативном сходстве поведенческих черт политического деятеля и именуемого лица («А Рая дак Лёньку зовёт *Дуддем*, гыт. Хо! “*Дудай*-то, гыт, чё!” [Какого?] От этого [указывает на дом соседа]. [Почему?] Не знаю, какой серьдитый он ли чё ли)² или указывает на факт ситуативной номинации по внешнему сходству или контрасту («*В. П.* А у нас Колю *Блауз* зовут. *С.* Тут был латыш, такой здоровый... *В. П.* Два. *С. Блауз. В. П.* Два: Иван и Роберт. <...> Ну и вот, он идёт, с имя — Иван-то этот, латыш-то — у их ноги, дак от эдаки! Здоровучий. А у нашего от такі [маленькие]. А он идёт с имя. А Колька Данилин сидит да говорит — а я прям на его злюсь тоже! “Ой, [в]он третий *Блауз* появился”. Ну скажи, как присохло»).

По модели «прозвище мужа → прозвище жены» создан антропоним *Агрономиха* (пример см. выше); прозвище *Комарихи*, используемое по отношению к двум сестрам, восходит к фамилии (*Комаров*) или прозвищу (*Комар*) мужа одной из них. Возможно образование женских прозвищ на *-их(a)* не только от фамилии, но и от имени мужа. Вместе с тем такие примеры единичны и, вероятно, представляют уходящий в прошлое принцип неофициального именования. Мотивы прозвищ, связанные с качествами самого человека, отражают значимый для диалектоносителя набор признаков при идентификации личности.

Однако отдельные контексты указывают на то, что *В. П.* Вершинина может не видеть внешнего сходства с референтом в метафорических прозвищах там, где оно очевидно для ее односельчанок-подруг: «*В. П.* А от у Тáne Васильевне брат — ну, он мужик как мужик, не знаю... [зовут] *Карась*. [Почему?] А ёто... тоже не знаю, чё. Таниного брата звали. *П. М.* А-а, да, он такой это... плечи ширóки у него... Ну и такой коротенький, шейка у его корóтенька...» Выявленная черта метаязыкового сознания информанта соотносится с выводами *Е. В. Иванцовой*, отметившей у диалектоносительницы случаи отказа от мотивировки слов с прозрачной для рядовых говорящих внутренней формой — как имен собственных, так и нарицательных [*Иванцова*, 2002, 93–95].

Прозвища отражают представление носителей языка о различных качествах именуемой личности — в е ш н и х («Молодой такой, с бородой всё ходил, и счас так ходит — его *Борода* зовут»; «Ну и чё? Построил [дом отец], нанял, *Сергей Лысый*... А он никого, какой-то, видно, лысый был, его так *Сергей Лысый* звали»; «Его звали *Костя Сопляк*. А это... всё под носом мо́кро у его было»), п о в е д е н ч е с к и х («Ну он какой-то так не совсем... не скажешь, что дурак, ну ненормальный. И вот его тоже *Дикарём* зовут»), у к а з ы в а ю щ и х н а р о д з а н я т и й («Эту *Татьяна Почта* зовут. Она на почте двадцать лет проработала. Татьяна

² Джохар Дудаев — чеченский политический и военный лидер 1990-х гг.

Васильевна котóры зовут, ну и *Почта*»), место жительства («У меня племянник тоже на Степановке жил <...>. Ну, Лена приезжáт ко мне, сестра-то: “У Коли, гыт, губа заболела, у *Степановского*” — так его звали, он Вершинин же») или на бытовую ситуацию, связанную с объектом номинации («А ётот, Володя Волошин, *Барашек* стали звать. Он шапочку какú-то носил, а его *Барашек* стали звать. Дак он не стал носить, Вера-то сказывала тодá. Чтобы такое имя не... не звали. [И перестали?] Ну дак... не звали больше, так мало кодá»).

В некоторых случаях история создания прозвища забывается и метатексты содержат отказ информанта от мотивировки («В. П. А у Гути [сын], дак *Узióм*. Ну *Узióминка*-то к чему [прозвали], я не знаю. <...> П. М. А говорят, тётка Лизавета всё узióм таскала в кармане, гыт, его корьмила бабка») или разные версии появления именованя. Так, прозвище *Емáн* связывается диалектоносительницей либо с чертами внешности односельчанина («Да Лёнька от. [Почему его *Емáном* зовут?] Не знаю, поштó. Я не знаю, чё. Кудрявый такой, кучерявый был, ли чё ли. [Он кудрявый?] Никого. Лысина от такá. Здесь волóсья, а тут всё лысина»), либо с его агрессивным поведением («... Как зверь... Дерётся, да так, какой-то взгляд у его. <...> А за чё его [прозвали], я не знаю, правда»).

Интересным моментом является возможное наложение мотивов при образовании прозвищ: прозвище *Комáр* образовано от фамилии *Комарóв*, которую носит мужчина маленького роста, а *Кíлька* — от фамилии невысокой и худенькой девушки *Кíлина*. На вероятность «сдвоения» мотивировок указывают контексты, в которых информантом подчеркиваются физические особенности носителей прозвищ: «Ивана-то *Комара* знáте, *маленький?* — вот у него лошадь есь»; «В. П. А наш-то с этой Кíлиной всё дружит, Сергей-то. Ну. М. А. С какой? В. П. Кíлина. <...> Она ить *от такá от была* [маленькая: жест], и у его на день рожденье была, *ручки вот такí тоненьки, да сама тоненька*. А я [с]час не знаю, она поправилась? Я её давно не видала. <...> А я говорю: наверно, Сергей вперёд Лéне женится: у Лéне нету жениха, а у этой, у Сергея *Килька* тут-ка...»

В индивидуальном антропонимиконе В. П. Вершининой имеются нейтральные и эмоционально-оценочные прозвища. Исследуемой нами ЯЛ ни создание, ни употребление негативно-оценочных прозвищ не свойственны. Единственное прозвище, придуманное самой диалектоносительницей, — *Рыжúха* — порождено, очевидно, глубокой обидой на односельчанку, разрушившую ее личную жизнь, и нежеланием использовать нейтральные или уважительные формы именованя при упоминании этой женщины.

В состав нейтральных единиц входит большинство отфамильных прозвищ (*Басарáниха, Карташúха, Мурза, Петрáк* и др.), а также номинации отыменные (*Гордéи, Пегáсик, Пегáска*), данные по роду деятельности (*Пóчта, Молокáнцица*) и месту жительства (*Береговóй, Москвúчка*). Общее количество нейтральных прозвищ составляет 76 единиц. Они не выражают отношения говорящего к именуемому, особенностям его характера и поведения.

Меньшую по численности группу (10 единиц) составляют прозвища с отрицательной эмоциональной оценкой: *Бес*, *Блауз*, *Демчúшка*, *Дикарь*, *Дудáй*, *Еман*, *Рыжуха*, *Селёдка*, *Слепой Кролик*. За исключением прозвища *Рыжуха*, они употребляются информантом только при передаче чужой речи. Среди них зафиксированы:

— неодобрительные (выражающие отрицательное отношение говорящего к поведению именуемого лица): «*В. П.* Ну, бесился шúбно он, к этому и прозвали. *А. П.* Неспокойный был. *В. П.* Напётся пьяный, беспокойный был, его так *Бес*»;

— уничижительные (выражающие отрицательное отношение к именуемому лицу через подчеркивание его физических недостатков или непривлекательности): «Ну, своих-то она не шúбно ругáт. Марину [невестку] ругáт да... Володю [зятя] ругáт... Пашу [зятя] *Слепой Кролик*»;

— пренебрежительные (выражающие неуважительное отношение к именуемому лицу): «“А у меня была *Демчúшка*” — она [односельчанка] так её назывáт, Дёмчукову-то»³;

— иронические (выражающие тонкую, скрытую насмешку): «*Молодожёны* [о немолодой паре] их зовут. Ему пятьдесят лет, ножки едва ходят»;

— шуточные (выражающие беззлобное подтрунивание с очень слабыми «следами» негативной коннотации): «Он тако-ой мушшына [басом], соли-идный, здоро-овый! А она [жена] вот така́ [худая]. Он её *Селёдкой* зовёт».

Как можно заметить, отсутствуют прозвища с мелиоративной коннотацией. Насколько это типично для народно-речевой культуры, пока говорить преждевременно. Выводы относительно оценочности прозвищ, сделанные на материале разных диалектов, нельзя назвать однозначными. Так, изучавшая говоры Тамбовской области Е. С. Шостка утверждает, что «в ассортименте как древнерусских, так и современных прозвищ шире представлены прозвища с негативной оценкой личности» [Шостка, 2009, 6]. В то же время Т. Т. Денисова выделяет в анализируемом смоленском материале лишь 8 % прозвищ с яркой негативной оценкой [Денисова, 2007, 14]. Что касается мелиоративных прозвищ, то они не зафиксированы и в дискурсивной практике других жителей села Вершинино, хотя в некоторых региональных антропонимических системах такие онимы имеются. В частности, прозвища с положительной эмоциональной оценкой, выражающей умиление, восхваление, радость, типа *Княгиня*, *Галя Вумная*, *Иван Скорая Помощь* и пр., отмечены у диалектоносителей Смоленской области [Там же, 17].

Употребление прозвищ в идиолекте В. П. Вершининой имеет ряд функциональных особенностей. Так, онимы данного класса низкочастотны в речи крестьянки: в корпусе текстов, отражающих дискурсивную практику информанта в течение 24 лет наблюдения, максимальная частота отдельных прозвищ

³ Прозвище *Демчúшка* квалифицировано как оценочное на основании неодобрительной интонации говорящего при передаче речи односельчанки.

не превышает 30 словоупотреблений, а средняя составляет 2–5 словоупотреблений, тогда как некоторые имена имеют частоту 1 000 и более словоупотреблений. Безоценочные неофициальные онимы при этом употребляются в речи диалектоносительницы шире, чем оценочные.

Большинство прозвищ хорошо усвоено исследуемой ЯЛ. Эти онимы соотносятся В. П. Вершининой с именуемыми субъектами (обычно — коренными жителями села или лицами, длительно проживающими в Вершинино) и свободно употребляются в речи: «Померла́ тут одна — ты её не знаешь, *Сидориха*, Тася. Тоже ей пиисят с чем-то лет, пять ли сколько ли»; «У Поли Толю звали *Мясо*. [За что?] Толстый был. Принесли в садик, в ясли, они: “Вот мясо дак мясо!” И так *Мясо* и *Мясо*, так и прозвали *Мясо*. *Толька Мясо*»; «*Савосья*, гыт, точило взял. А он: “Чё они там растаскывают всё?”»; «Она, гыт, сказала, наверно. *Гордею*-то она сказала, на *Чирка́*-то. Говорит это: “Коров-то счас ешо, гыт, не угоняют...”»

Немногочисленны недостаточно освоенные прозвища недавно приехавших или молодых жителей села, мало знакомых диалектоносительнице. В случаях употребления этих единиц типичны маркеры неуверенности, варьирование формы прозвищ, затруднения при обозначении официального имени носителя прозвища: «[из диалога с молодым родственником-односельчанином] *В. П.* Долго, с самой осени жил [пёс]. И вот... кто-то съел. Едят, Судилкóвски едят, говорят, эти едят, как его... Подліо́га ли как ли зовут этого... скажи, дак я скажу. *С. Н.* Подліо́ка. *В. П.* Как? *С. Н.* Подліо́ка. *В. П.* Подліо́ка? Ну этого... как его зовут? Как его... Как его, фамилия-то. *С. Н.* Сапры́кин. *В. П.* Сапры́гин, от ишь чё. А его прозвали *Подлю*... *Подліо́га* зовут. [За что?] Дак а кто ё знат, не знаю. А они тоже собак едят».

Стилистически сниженный характер прозвищ, очевидно, хорошо чувствуется исследуемой ЯЛ, одной из доминант речевого поведения которой является строгое соблюдение норм речевого этикета. В связи с этим в дискурсе крестьянки всегда присутствует только заочное употребление прозвищ по отношению к именуемому и дифференцированное употребление типов онимов в зависимости от степени близости коммуникантов и степени официальности речевой ситуации.

Наблюдаются существенные различия в использовании нейтральных и оценочных прозвищ. Нейтральные прозвища свободно используются В. П. Вершининой в ходе общения с родственниками, соседями, подругами-односельчанками, давними знакомыми: «[с односельчанином] *В. П.* Ну сети-то никто у тебя не сняли? *А. М.* Нет, нет. Хотел этот... *В. П.* Ну, *Чирок*»; «[передает разговор с сыном] Я стала, говорю: “Миша! Яков *Мурза* говорит это, что там у тебя чё попало [рыба в сеть], перемёт ли чё ли, гыт, ші́бка бў́лькат”»; «[племяннику:] А *Ерма́к*-то не окучил [картошку]?»; «[собирателю:] А Иван-то *Комар* — ты же знала его? Он по́мер, это... — ну давно уж он по́мер». При этом информант воздерживается от употребления прозвищ в присутствии малознакомых собеседников, а также в ситуациях официального общения с односельчанами, представляющими органы власти или социальной поддержки. Оговорки в этих случаях незамедлительно

корректируются говорящим: «[соцработнику:] Ну, я знаю, что [забирают стариков на зиму в город], дак рано, она уезжала в ноябре всё да, попозже, а теперь уж уехала. А *Карташѣха*... Карташова не уехала?» Об осознании стилистической сниженности даже нейтральных прозвищ свидетельствуют метаязыковые комментарии: «Я её зову Нина Васильевна. Не буду я звать *Лабужиха*, как люди. Мне неудобно».

Поскольку стилистическая окраска оценочных прозвищ значительно ярче⁴, то и ограничения в их использовании строже. Эти прозвища, в отличие от нейтральных, используются в метатекстах со ссылкой на употребление в речи односельчан или при цитировании их высказываний (то и другое может совмещаться в одном контексте). В метатекстовых фрагментах обычно присутствуют глаголы речи *звать* или *называть* (зафиксирован также фразеологизм *далось на зубок*⁵), упоминается конкретный либо обобщенный субъект, лексикону которого принадлежит данная онимическая единица.

И размышления о том, как появилось прозвище, и сведения о том, кто и как его употребляет, относятся к проявлениям метаязыковой рефлексии говорящего, заключающейся в осмыслении и оценке диалектоносителем особенностей своей и чужой речи: «А Владимир наш её звал Овечка, гыт. Что ноги тонки. Усь-ямский. Овечка, гыт, была. [А так в Вершинино зовут, если ноги тонкие?] Никого! Это он сам. Ну, что ноги тонки. Как у овечки, он, гыт, Овечка звал»; «Кувалда, на Яру Кувалдочка зовут — она ничё, хороша, пошто-то Кувалдой зовут»; «Прозвище было Гронóm⁶. Людѣм чё, далось на зубок. А её — *Гронómиха*» (см. также контексты с прозвищами *Дудѣй*, *Слепой Кролик*, *Селѣдка*).

Особенности функционирования оценочных прозвищ в дискурсе диалектоносительницы связаны с их принадлежностью к категории так называемой чужой речи. Лексика чужой речи — освоенные говорящим именованья, используемые только при цитировании чужих высказываний, — была выявлена и описана Е. В. Иванцовой в составе нарицательной лексики [Иванцова, 2002, 59–64]. Некоторое количество имен собственных в идиолекте информанта также можно отнести к этому классу; в частности, в него входят прозвища с пейоративной коннотацией. К чужой речи относятся в лексиконе В. П. Вершининой также

⁴ При очной коммуникации диалектоносителей они могут использоваться наряду с бранными словами, ср. в рассказе информанта о конфликтной ситуации между односельчанами: «А у их заплот упал, она выскочила, да как давай его: “*Молдаван*, да *беситѣнник*, такой-сякой да... попал тут-ка...”»

⁵ Том. *даться на зубок* ‘быть подхваченным в речи’ [ПСДЯЛ, 1, 224].

⁶ Прозвище *Агроном* / *Гронóm* внешне напоминает нейтральное, данное по профессиональной принадлежности, однако метатекстовый комментарий информанта («[А он агроном был?] Ничё не агроном, так, чё-то прозвали. Ну говорили, что он бутылочки накладёт всяки да всё, гыт, разбирался во всё, Степан Прокофѣич, Мотин муж. *Агроном*, его так *Стѣпка Агроном* и звали») позволяет предположительно отнести этот оним к прозвищам с отрицательной оценкой. Сочетаемость со сниженным *Стѣпка* и наличие в дискурсе В. П. Вершининой нескольких частушек о носителе прозвища свидетельствуют о присущей прозвищу иронической коннотации.

нейтральные узуальные прозвища, использовавшиеся в селе для именовании родственников: «У тятя-то моёго смыло же тода. Пряма повесился дом. Обвалился берег. Его даже звали *Прокофий Береговой*. Ага, на берегу жил. Пряма на бережке. <...> Ну тятя-то на берегу жил шибко, его так звали. Ну наверно, отца поди тятина звали так, не знаю»; «*Молдаваны* были, прозвища. Я не знаю, Степана [о муже] отца *Молдаван* называли. Ну, и Степана кода [иногда] называли, кое-де называли *Молдаван*. И Сергея Прокофьяча [его брата] тоже называли *Молдаваном*. [Почему?] А кто ё знат, не знаю, прозвище такó».

Выявленные типы прозвищ имеют в дискурсе диалектоносителя различную функциональную нагрузку. Нейтральные прозвища, образованные от фамилий и имен, в повседневной речи крестьянки выступают как самостоятельные единицы, заменяющие официальный вид именованья. Можно предположить, что в сознании носителя говора за ними закреплены более конкретные представления, чем за фамилией или именем, соотносимым с рядом субъектов: употребляя прозвища типа *Петра́к* или *Рассóлиха*, ЯЛ имеет в виду не любого члена вершининских семей Петраковых или Рассоловых, а Николая Петракова и Анну Григорьевну Рассолову (их дети и другие родственники обозначаются сочетанием имени и фамилии). Таким образом, эти прозвища выполняют функцию идентификации субъекта: «От Нина... эту хоронили, как её, Андревну, и *Рассóлихе* такой же купили гроб, везли, крышку-то я видела»; «А *Петра́к* гыт тоже всё хворат, хворат». З. П. Никулина [1974, 70] и П. Т. Поротников [1976, 71] считают, что отфамильным прозвищам свойственна только номинативная функция, и в этом плане они функционально «приближаются к нейтральным личным именам и фамилиям» [Поротников, 1970, 62].

Нейтральные прозвища указывают на некую характерологическую черту номинируемого. При употреблении подобных единиц идентифицирующая функция сочетается с характеризующей: «[с подругой, односельчанкой:] *В. П.* А он вышел отсэдова, из двухэтажки-то. [Изображает:] “Ой, тётя Ве-ера!” — меня. Схватил, давай целовать. *П. М.* Кто это? *В. П.* *Борода*».

Прозвища с пейоративной коннотацией выполняют оценочную функцию, передавая отношение говорящего к именуемому: «*В. П.* Ну, бесился шибко он, к этому и прозвали. *А. П.* Неспokoйный был. *В. П.* Напьётся пьяный, неспокойный был, его так *Бес*»; «Ну он какой-то так не совсем... не скажешь, что дурак, ну ненормальный. И вот его тоже *Дикарём* зовут». Включение оценочного онима в передаваемую речь односельчан (см. выше пример с бранным употреблением прозвища *Молдаван*) может служить средством придания достоверности и конкретности повествованию и реализовывать принципы совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего общения и изобразительности (иконичности) коммуникации [см.: Гольдин, 1997; Гольдин, Крючкова, 2010, 19–22].

Т. Т. Денисова отмечает, что в основе эмоционально-оценочного компонента прозвищ «лежит не уничижение человека с помощью дополнительного

неофициального именованя, а присутствует главное — стремление выделить называемого, подчеркнуть его особенность, индивидуальность. <...> Прозвища отражают культуру общества и внутреннюю культуру личности и в своем создании, и в своем употреблении. Чем выше и та, и другая, тем меньше негативных коннотаций содержит неофициальное наименование как выделительный знак. <...> Чем выше внутренняя культура человека, чем духовнее система его морально-этических ценностей, тем строже и разборчивее он будет подходить к неформальному идентификатору» [Денисова, 2007, 14–15]. Эти комментарии исследовательницы в полной мере соотносимы с дискурсивной практикой В. П. Вершининой и свидетельствуют о высоком уровне народно-речевой культуры сибирской крестьянки.

Итак, в системе прозвищ информанта отмечены онимы мужские и женские, коллективные и индивидуальные, нейтральные и эмоционально-оценочные, различающиеся способами словообразования, характером мотивации и коннотации, а также функциональными особенностями. Некоторые выявленные закономерности (несклонность к созданию прозвищ, регулярные проявления метаязыковой рефлексии в отношении этих единиц, отнесенность большинства оценочных онимов к категории чужой речи) можно считать индивидуальными для исследуемой ЯЛ.

В то же время для представителя народно-речевой культуры с присущей ей «невыделенностью личности из социума» [Никитина, 1989б, 35] проявление типического в речи преобладает над реализацией индивидуального начала. Прозвищные именованя диалектной ЯЛ отражают ряд черт, характерных для носителя традиционных русских народных говоров в целом. Как по числу единиц, так и по частоте употребления прозвища можно считать периферийным классом диалектных антропонимов, поскольку при назывании наиболее близких людей, с которыми осуществляются основные коммуникативные контакты, прозвища диалектоносителем обычно не используются. Вместе с тем этот вид онимов является неотъемлемой частью неофициального общения жителей села. Очевидна их востребованность именно для номинации лиц дальнего круга общения: сфера наименования людей, знакомых лишь понаслышке, представлена единичным прозвищем политика. Прозвища членов сельского сообщества в идиолексиконе В. П. Вершининой служат прежде всего средством идентификации называемых, отражают значимые для носителей говора характеристики человека (профессия, социальный статус, внешний облик человека) и передают субъективное отношение говорящего к именуемому. Функционирование рассматриваемого класса онимов базируется на принципах народного речевого этикета. Изучение прозвищ, несомненно, дает многое для понимания личности носителя языка и того типа речевой культуры, к которой он принадлежит.

- Верховых Л. Н.* Антропонимическое пространство сёл Абрамовка Таловского района и Красное Новохоперского района Воронежской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2008.
- Гольдин В. Е.* Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Саратов. гос. ун-т. Саратов, 1997.
- Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю.* Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты. Саратов : Наука, 2010.
- Денисова Т. Т.* Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации (на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Смолен. гос. ун-т. Смоленск, 2007.
- Ермолович Д. И.* Имена собственные на стыке языков и культур. М. : Р. Валент, 2001.
- Иванцова Е. В.* Формы выражения речевого этикета при именовании лица // Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой ориентации : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н. С. Болотнова. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ин-та, 1995. С. 159–169.
- Иванцова Е. В.* Феномен диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002.
- Иванцова Е. В.* Идиолектология // Томская диалектологическая школа : историографический очерк / под ред. О. И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 157–163.
- Иванцова Е. В.* Лингвоперсонология : Основы теории языковой личности : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010.
- Кокарева И. П.* Ономастикон одного ярославского говора (села Исакова, деревень Мятлево и Пустынь Первомайского района) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / РАН, Ин-т РЯ им. В. В. Виноградова. М., 1998.
- Кульпинов Ю. А.* Этнолингвистический анализ ономастикона, демонологии и обрядности казачьих станиц Изобильненского района Ставропольского края : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ставроп. гос. ун-т. Ставрополь, 2010.
- Никитина С. Е.* Опыт описания языковой личности. А. А. Реформатский // Язык и личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М. : Наука, 1989а. С. 149–212.
- Никитина С. Е.* Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М. : Наука, 1989б. С. 34–40.
- Никулина З. П.* К вопросу о классификации индивидуальных прозвищ // Вопросы лексики и грамматики русского языка / отв. ред. З. П. Никулина. Кемерово : [б. и.], 1974. Вып. 1. С. 67–73.
- Попова Е. И.* Личное имя в коммуникативном аспекте (на материале обращений в студенческой среде) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Смолен. гос. ун-т. Смоленск, 2009.
- Поротников П. Т.* Женские прозвания на -их(а) в говорах Талицкого района Свердловской области // Вопросы топониматики. Вып. 4 / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1970. С. 54–70.
- Поротников П. Т.* О способах образования отфамильных прозвищных именовании // Вопросы ономастики. Вып. 11 : Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1976. С. 70–74.
- ПСДЯЛ — Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е. В. Ивановой : в 4 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006–2012.
- Соловьева А. К.* Материалы для изучения прозвищ по переписке К. Маркса и Ф. Энгельса // Антропонимика / под ред. В. А. Никонова, А. В. Суперанской. М. : Наука, 1970. С. 166–179.
- Стаханова И. С.* Прагматика школьных прозвищ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волгоград. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2011.
- Стрельцова М. Ю.* Прозвищные именовании в русском языке (денотативные типы и структурно-семантические модели) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2010.

- Сьянова Е. В.* Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей (на материале говоров Воронежского Прихопёрья) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2007.
- Цепкова А. В.* Национально-культурная специфика прозвищ (на материале современного англоязычного интернет-дискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Иркут. гос. лингв. ун-т. Иркутск, 2011.
- Шевляков А. В.* Идиолектная система прозвищ сибирского старожила // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3 : Языковые аспекты регионального существования человека : материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. Т. А. Демешкина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 182–189.
- Шостка Е. С.* Прозвища Тамбовской области: языковой и социокультурный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2009.

Рукопись поступила в редакцию 02.02.2015

СОКРАЩЕНИЯ

- А. П. Августа Парменовна Вершинина
М. А. Матрена Артемьевна Вершинина
П. М. Пелагея Михайловна Вершинина
С. неизвестный собеседник
С. Н. Сергей Николаевич Вершинин
том. томские говоры русского языка
Ю. Н. Юрий Николаевич Вершинин

* * *

Берестова Екатерина Анатольевна
аспирант кафедры русского языка
Национального исследовательского
Томского государственного университета
634050, Томск, пр. Ленина, 36
тел. 8 (3822) 53 40 77
E-mail: ekaterinaberestova@mail.ru

Berestova, Ekaterina Anatolyevna
PhD student, Department of the Russian
Language, National Research
Tomsk State University
36, Lenin av., 634050, Tomsk, Russia
tel. +7 3822 53 40 77
E-mail: ekaterinaberestova@mail.ru

THE SYSTEM OF NICKNAMES IN A DIALECT SPEAKER'S ONOMASTICON

The article aims to provide a multidimensional analysis of the nicknames system in the idiolect of a speaker of one of the Russian dialects of the Middle Ob River area. This research is carried out within the project of the Tomsk School of Dialectology focusing on the language of a dialect female speaker, on both her typical and individual characteristics. The article analyzes the stock of nicknames in the individual lexicon, the ways of word formation, the motivations of naming, the specificity of neutral and emotive lexical units and the character of their functioning in the informant's speech (i.e. frequency, degree of integration, spheres of communication, functions in speech). The comparison of the collected material with other studies

based on dialectal data of other regions reveals the peculiarities of nicknames extracted from the speech of the Siberian woman. These distinctive features of nicknames are typical for all Russian dialects speakers, however, they prove to be modified in idiolects. Among the properties of the anthroponymicon which are characteristic to a rural society the author mentions: the peripheral character of nicknames in relation to the personal names system; their orientation to rural society members; the capacity of the nicknames' motivational features and connotations to reflect personal characteristics significant for dialect speakers; the usage of nicknames primarily for the purpose of identification, characterization and estimation; their orientation to the popular communication etiquette rules. Among the individual features of the informant's language the author points out: the informant's disinclination for nickname production; her regular metalinguistic reflection on the usage of nicknames; the emergence of the majority of nicknames in citations and indirect speech. The author argues that the personological approach to the study of nicknames is important for understanding the speaker's personality and the language culture they belong to.

Key words: Russian language, anthroponymy, nicknames, idiolect, language personality, Siberian Russian dialects, Tomsk School of Dialectology.

- Denisova, T. T. (2007). *Prozvizhcha kak vid antroponimov i ikh funkcionirovanie v sovremennoi rechevoi kommunikatsii (na materiale prozvizhch Shumiachskogo i Ershichskogo raionov Smolenskoj oblasti)* [Nicknames as a Kind of Anthroponyms and their Functioning in Modern Speech Communication (With Reference to the Nicknames of Shumyachsk and Ershichsk Districts of Smolensk Region)] (doctoral dissertation summary). Smolensk: Smolensk National University.
- Ermolovich, D. I. (2001). *Imena sobstvennye na styke iazykov i kul'tur* [Proper Names at the Crossroads of Languages and Cultures]. Moscow: R. Valent.
- Goldin, V. E. (1997). *Teoreticheskie problemy kommunikativnoi dialektologii* [Theoretical Problems of Communication Dialectology] (habilitation dissertation summary). Saratov: Saratov State University.
- Goldin, V. E., & Kriuchkova, O. Yu. (2010). *Ruskaia dialektologija. Kommunikativnyi, kognitivnyi i lingvokul'turnyi aspekty* [Russian Dialectology. Communicative, Cognitive, Linguistic and Cultural Aspects]. Saratov: Nauka.
- Ivantsova, E. V. (1995). *Formy vyrazheniia rechevogo etiketa pri imenovanii litsa* [Forms of Expression of Speech Etiquette when Naming the Person]. In N. S. Bolotnova (Ed.), *Kommunikativnye aspekty slova v tekstakh raznoi zhanrovo-stilevoi orientatsii* [Communicative Aspects of Speech in the Texts of Different Genres and Styles] (pp. 159–169). Tomsk: Izd-vo Tom. gos. ped. in-ta.
- Ivantsova, E. V. (2002). *Fenomen dialektnoi iazykovoi lichnosti* [The Phenomenon of Dialect Language Personality]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta.
- Ivantsova, E. V. (2006). *Idiolektologija* [Idiolectology]. In O. I. Blinova (Ed.), *Tomskaja dialektologicheskaja shkola: Istoriograficheskii ocherk* [Tomsk School of Dialectology: A Historical Outline] (pp. 157–163) (pp. 157–163). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta.
- Ivantsova, E. V. (Ed.). (2006–2012). *Polnyi slovar' dialektnoi iazykovoi lichnosti* [The Comprehensive Dictionary of a Dialect Language Personality]. (Vols. 1–4). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta.
- Ivantsova, E. V. (2010). *Lingvopersonologija: Osnovy teorii iazykovoi lichnosti* [Linguo-Personology: Fundamentals of the Theory of Language Personality]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta.
- Kokareva, I. P. (1998). *Onomastikon odnogo iaroslavskogo govora (sela Isakova, dereven' Miatlevo i Pustyn' Pervomaiskogo raiona)* [The Onomasticon of One of the Yaroslavl Dialects (Isakov, Myatlevo and Pustyn villages, Pervomaysky District)] (doctoral dissertation summary). Moscow: RAS.
- Kulpinov, Yu. A. (2010). *Etnolingvisticheskii analiz onomastikona, demonologii i obriadovykh kazach'ikh stanits Izobil'nenskogo raiona Stavropol'skogo kraia* [The Ethnolinguistic Approach to the Onomasticon,

- Demonology and Rituals of the Cossack villages of Izobilnensky District, Stavropol Region] (doctoral dissertation summary). Stavropol: Stavropol National University.
- Nikitina, S. E. (1989a). Jazykovee soznanie i samosoznanie lichnosti v narodnoi kul'ture [Language Consciousness and Self-Consciousness in Popular Culture]. In D. N. Shmelev (Ed.), *Iazyk i lichnost'* [Language and Personality] (pp. 34–40). Moscow: Nauka.
- Nikitina, S. E. (1989b). Opyt opisaniia iazykovoi lichnosti. A. A. Reformatskii [An Experimental Description of Language Personality. A. A. Reformatsky]. In D. N. Shmelev (Ed.), *Iazyk i lichnost'* [Language and Personality] (pp. 149–212). Moscow: Nauka.
- Nikulina, Z. P. (1974). K voprosu o klassifikatsii individual'nykh prozvizhch [On the Classification of Individual Nicknames]. In Z. P. Nikulina (Ed.), *Voprosy leksiki i grammatiki russkogo iazyka* [Problems of the Vocabulary and Grammar of the Russian Language] (Issue 1, pp. 67–73). Kemerovo: [s. n.].
- Popova, E. I. (2009). *Lichnoe imia v kommunikativnom aspekte (na materiale obrashchenii v studencheskoi srede)* [A Personal Name in the Communicative Aspect (With Reference to Addresses Used in the Student's Milieu)] (doctoral dissertation summary). Smolensk: Smolensk National University.
- Porotnikov, P. T. (1970). Zhenskie prozvanii na *-ikh(a)* v govorakh Talitskogo raiona Sverdlovskoi oblasti [Women's Nicknames with *-ikh(a)* Ending in the Dialects of Talitsky District, Sverdlovsk Region]. In A. K. Matveev (Ed.), *Voprosy toponomastiki* [Problems of Toponomastics] (pp. 54–70). Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta.
- Porotnikov, P. T. (1976). O sposobakh obrazovaniia ofamil'nykh prozvizhchnikh imenovanii [On the Formation of Nicknames Derived from Family Names]. In A. K. Matveev (Ed.), *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics] (Issue 11, pp. 70–74). Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta.
- Syanova, E. V. (2007). *Onomasticheskie kod v mental'nom prostranstve dialektonositelei (na materiale govorov Voronezhskogo Prikhoper'ia)* [The Onomastic Code in the Mental Space of Dialect Speakers (With Reference to the Dialects of the Middle Khopyor River Area)] (doctoral dissertation summary). St. Petersburg: Herzen University.
- Shevliakov, A. V. (2006). Idiolektnaia sistema prozvizhch sibirskogo starozhila [The Idiolectal System of Nicknames of a Siberian Old-Timer]. In T. A. Demeshkina (Ed.), *Aktual'nye problemy rusistiki* [Current Problems of Russian Studies] (Issue 3, pp. 182–189). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta.
- Shostka, E. S. (2009). *Prozvizhha Tambovskoi oblasti: jazykovoj i sociokul'turnyj aspekt* [Nicknames of Tambov Region: Linguistic and Socio-Cultural Aspects] (doctoral dissertation summary). Tambov: Tambov National University.
- Solovyeva, A. K. (1970). Materialy dlia izucheniia prozvizhch po perepiske K. Marksa i F. Engel'sa [Materials for the Study of Nicknames Based on the Correspondence between of K. Marx and F. Engels]. In V. A. Nikonov, A. V. Superanskaia (Eds.), *Antroponimika* [Anthroponymics] (pp. 166–179). Moscow: Nauka.
- Stakhanova, I. S. (2011). *Pragmatika shkol'nykh prozvizhch* [Pragmatics of School Nicknames] (doctoral dissertation summary). Volgograd: Volgograd Pedagogical National University.
- Streltsova, M. Yu. (2010). *Prozvizhchnye imenovanii v russkom iazyke (denotativnye tipy i strukturno-semanticheckie modeli)* [Nicknaming in the Russian language (Types of Denotata and Structural-Semantic Models)] (doctoral dissertation summary). Vladivostok: Far Eastern National University.
- Tsepkova, A. V. (2011). *Natsional'no-kul'turnaia spetsifika prozvizhch (na materiale sovremennogo angloiazynogo internet-diskursa)* [On the National Cultural Specificity of Nicknames (The evidence from Contemporary English-Language Internet Communication)] (doctoral dissertation summary). Irkutsk: Irkutsk National Linguistic University.
- Verkhovykh, L. N. (2008). *Antroponimicheskoe prostranstvo sel Abramovka Talovskogo raiona i Krasnoe Novokhoperskogo raiona Voronezhskoi oblasti* [The Anthroponymic Landscape of the Villages Abramovka, Talovsk District, and Krasnoye, Novokhopyorsky district, Voronezh Region] (doctoral dissertation summary). Voronezh: Voronezh National University.

Received 2 February 2015